

ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 910.1

О СИНТЕЗЕ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

© 2013 г. М.В. Рагулина

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН

Поступила в редакцию 22.06.2012 г.

Рассмотрены основные направления исследования культурного ландшафта, их методологические противоречия и варианты взаимодействий. Предложен интегральный синтезирующий подход, который позволяет построить мосты междисциплинарных коммуникаций, объединить субъективные и объективные грани культурного ландшафта, выйти на более глубокий уровень его интерпретации и научного анализа.

Введение: осевые подходы к культурному ландшафту. Культурный ландшафт (КЛ) как научный концепт, позволяющий соединить природу и культуру, изначально обладал интегративным потенциалом, который продолжает раскрываться с возрастающей глубиной. Траектория исследований пролегает от гармоничного сочетания элементов земной поверхности к охвату человеческой деятельности и ее материальных следов, включению эстетики, мировоззрения, к познанию слитности природных, социальных и культурных процессов.

В XIX в. КЛ трактовался как ареал, сумма объектов и объект, к первой трети XX в. он включает в себя социальные отношения и структуры, со второй трети XX в. – субъективный личностный и групповой опыт переживания пространства, его культурные, ценностные паттерны.

В настоящее время в мировой географии КЛ – приоритетная и дискуссионная тема, которая отличается многообразием подходов и парадигм, от сциентизма до постмодернизма, включая их сочетания и взаимные пересечения. Хрестоматийными для американской культурной географии стали трактовки КЛ как природы, среды обитания, артефакта, системы, богатства, идеологии, конкретного места, истории и политики [21]. Дробление КЛ на аспекты приводит к тому, что исследователь имеет дело с несколькими разными “ландшафтами”, относящимися к одному ареалу. Рост разнообразия направлений породил углубление их дивергенции. Наблюдается сдвиг исследований от морфологии к интерпретации ландшафта, от “поверхности”, доступной в сен-

сорном восприятии, к “глубине” – воплощенным ценностям и смыслам [20]. В то же время в адрес постмодернизации ландшафтных исследований высказываются упреки в отдалении от практических нужд, “самозамыкании” в пределах узкого академического круга [18].

Практики и теоретики модернистской культурной географии ориентировались на выделение, паспортизацию, классификацию КЛ – результата сотворчества человека и природы. Приверженцы постмодернизма стремятся объяснить видимые КЛ интерпретацией создающих их невидимых сил. Культурная география только в течение прошлого и на рубеже нынешнего столетий пережила несколько теоретических “гражданских войн”, а дебаты о “правильном” понимании культурного ландшафта достигли огромного масштаба [22, 24].

Взаимное неприятие “старой” и “новой” культурной географии, сциентизма с одной стороны, гуманизма и постмодернизма с другой, обусловлено тем, что сфера исследовательских интересов – КЛ, только кажется единой для названных подходов. В случае эмпирического сциентистского исследования КЛ имеет четкую локализацию, в нем можно зафиксировать комплексы артефактов, объектов, инфраструктурные линии, “ядра”, центр и периферию, районировать и картографировать его. Это – идеал научной географии, “взгляд наблюдателя”. То, на чем фокусируются постмодернистские и гуманистические подходы, не может быть исчерпывающим образом исследовано с помощью количественной фиксации и измерений. В ландшафт вводится субъект: его

опыт, ценности, эмоциональную наполненность проживания пространства необходимо интерпретировать, а не измерять [14].

В современной англофонной географии позиции сциентизма значительно ослабли: со времени “субъективной революции” 1960–1980-х [19], после “культурного поворота” 1990-х [12] преобладают социально-философские и культурно-антропологические трактовки КЛ, часто в ущерб традиционной морфологии и дескриптивным требованиям практики.

В России исследования культурного ландшафта переживают “второе рождение”, с 1990-х гг. намечается становление научных школ и направлений. Этнокультурное ландшафтоведение, изучение традиций локальных сообществ, связывающих их с родной землей [8], информационные аспекты и проблемы исторической памяти в КЛ [1, 2], становятся важными исследовательскими темами. Элементы “участвующего” исследования КЛ отражены в фундаментальной работе В.Н. Калущкова [9]. В.Л. Каганскому [6, 7] удалось соединить пространство природного ландшафта со смысловым, политико-статусным и образным пространством КЛ. Традиционная для российской географии ориентация на сциентизм создает благотворные условия для морфологических изысканий, но для того, чтобы исследовать живое целое КЛ, нужна подпитка гуманитарно-географическими, субъективными и системными идеями.

Восстановление культурно-ландшафтных направлений происходило под влиянием природо-ведческого крыла отечественной географии, где давно сложилась трактовка культурного ландшафта как разновидности природного, поэтому прийти к консенсусу “гуманитариям” и “природоведам” непросто. Авторитетный географ А.Г. Исаченко отмечает, что идеи и ценности не могут быть собственностью какого-либо ландшафта, подобно тому, как океанский прилив не является собственностью Луны [4, с. 11]. И.Ю. Гладкий полагает, что сторонники гуманистической географии неверно трактуют сам термин: произошла подмена “родового понятия ландшафт видовым понятием культурный ландшафт с утратой пространственной целостности и инвариантной системности” [3, с. 35]. Молодая российская феноменология ландшафта также категорична: один из ее наиболее ярких представителей В.Л. Каганский считает, что качественные различия в КЛ важнее количественных признаков [5, с. 572].

Таким образом, между различными школами культурно-ландшафтных исследований в России и за рубежом существует недостаток взаимного

понимания. В этом контексте целостность исследований КЛ и целесообразность стремления к ней ставится под сомнение [3, 4]. Если гуманитарные и естественнонаучные подходы настолько различны, как это кажется на первый взгляд, то почему бы ни остаться каждому из них в пределах породившей его дисциплины? Опасение получить вместо скоординированной целостности эклектичный набор направлений сдерживает интегративные тенденции развития учения о культурном ландшафте, поэтому настолько важен вопрос о корректных основаниях синтеза.

Проблема синтеза и варианты ее решения. Существует множество версий синтеза и систематики ландшафтных подходов. Один из них – создание “генеалогии”, которая «...развивает идею КЛ от культурного следа через “невольную автобиографию”... к дискурсивному месту ландшафта в динамичных социопро пространственных отношениях с индивидуумами и обществами» [24, р. 661]. Такая преемственная последовательность должна, по замыслу автора, предотвратить теоретическое соперничество, выявляя общие корни традиции. К сожалению, даже осознание общих истоков не устраняет разногласий и борьбы за доминирование.

Соединить в КЛ материальное и идеальное Д. Косгроу намеревался с помощью “активного вовлечения человека–субъекта в материальный объект”. При таком видении КЛ становится посредником субъективного человеческого опыта. “Ландшафт – не просто мир, который мы видим, а конструкция, композиция этого мира” [14, р. 13].

“Холистический ландшафтный синтез”, исходя из множественности подходов к ландшафту, предполагает существование нескольких перспектив, каждая из которых использует свои собственные понятия и методы, которые не всегда подобны и поддаются сравнению. Первая из трех основных перспектив – естественнонаучная, изучает изменяющиеся пространственные структуры и их функции. Она описывает целостность ландшафта – сложной системы, используя количественные индикаторы. Вторая, гуманитарная перспектива, включает историческую географию и экологию, тесно связана с естественнонаучным подходом и психологическими, гуманистическими, семиотическими направлениями. Третья перспектива охватывает прикладные науки, развивающие свои собственные подходы к ландшафту, ландшафтной архитектуре и пространственному планированию [11, р. 40].

С междисциплинарностью и трансдисциплинарностью связан еще один вариант интегратив-

ного синтеза, предложенный Б. Тресс, Дж. Тресс и Дж. Фрай. Под интеграцией авторы понимают взаимодействие и слияние различных “культур знания” (*knowledge cultures*) в попытке ответить на исследовательский вопрос [25, р. 18]. Подход предусматривает создание модели взаимного понимания между различными областями знаний, ориентированной на решение конкретной проблемы. Вопрос о единой методологической базе ландшафтных исследований авторами не ставится. “Коллекционный” характер интеграции подтверждает замечание о том, что “процесс создания знаний в интегративных исследованиях не имеет фундаментальных отличий от неинтегративных проектов” [25, р. 24]. Сходная модель сочетания усилий специалистов разных дисциплин в решении задач прикладного характера предложена Б. Тернером [26].

Все названные варианты синтеза, наряду с достоинствами, имеют серьезные ограничения – элементы эклектики и отсутствие общей эпистемологической основы. Вопрос интегральной метатеории в исследовании ландшафта до недавнего времени оставался открытым.

Интегральная модель К. Уилбера и культурно-ландшафтный синтез. Теоретическим основанием более глубокого синтеза направлений и подходов стала интегральная теория К. Уилбера [27–29]. Она позволяет соединить различные трактовки и методы, выйти на новый уровень понимания и научного анализа КЛ. Эта теоретическая схема, показывающая, как “стыкуются” естественнонаучные и гуманитарные методы, предназначена для рефлексии дисциплины и для решения практических проблем. Она в состоянии скоординировать и обогатить подходы к изучению КЛ, возникшие в разное время на несхожих мировоззренческих основаниях, включить внутренние и внешние аспекты развития территории, личности и социума в более широкое видение. “Операционной системой” интегральной исследовательской теории является модель AQAL (All Quadrants, All Levels).

Примеры ее практического применения стремительно растут: интегральная психология, политика, экономика, экология, педагогика, образование, медицина, маркетинг развиваются быстро и эффективно. Предлагается адаптировать модель AQAL для целей исследования КЛ. Эта работа вдохновлена публикациями Уилбера и его последователей, которые апробировали интегральный подход в экологии, изучении города, географии, территориальном планировании [13, 15–17]. Использовались элементы интегрального подхода в

Таблица 1. Квадранты Уилбера

	<i>Внутренние (левые)</i>	<i>Внешние (правые)</i>
<i>Индивидуальные</i>	Субъективный “Я” Сознание Сфера опыта Субъективная реальность индивида	Объективный “ОНО” Поведение Сфера объективных процессов (поведения индивидуального объекта)
<i>Коллективные</i>	Интерсубъективный “МЫ” Культура Интерсубъективная реальность группы, совместный опыт и традиции	Интеробъективный “ОНИ” Социум и природа Интеробъективная реальность, “паутина систем”

географическом исследовании этнических идентичностей Байкальской Сибири [23] и осмыслении направлений этнической экологии [10]. Компонентами AQAL являются квадранты, уровни, состояния, линии и типы. В данной работе модель квадрантов применена к исследованию КЛ.

К. Уилбер [27] предложил систематизировать все области исследования с помощью четырех нередуцируемых друг к другу квадрантов – внутренних (левосторонние “Я” и “Мы”), внешних (правосторонние “Оно” и “Они”), индивидуальных (“Я” и “Оно”) и коллективных (“Мы” и “Они”).

Согласно интегральному подходу, каждое событие в мире имеет эти четыре измерения, которые отражают, как его переживает личность, интерпретирует группа, что из себя данное событие представляет с точки зрения объективных фактов, и, чем оно является в контексте системных взаимодействий (табл. 1).

Эта модель стала основой интегрального культурно-ландшафтного синтеза. Согласование, общение и координация граней КЛ, как явления, опирается на “распределение” ландшафта – сложной целостности на субъективные и интерсубъективные, индивидуальные и коллективные сферы.

Квадрантное “распределение” позволяет локализовать линии развития, типы процессов и феноменов в ландшафте в соответствии с “Я”, “Мы”, “Оно” и “Они” – доменами, сферами сознания, культуры и природы (табл. 2).

Взаимная дополнительность и координация подходов, изучающих ландшафт, – следующая задача интегрального синтеза. Признание правомерности каждого подхода в породившем его

Таблица 2. Квадрантное “распределение” ландшафта

	<i>Внутренние (левые)</i>	<i>Внешние (правые)</i>
<i>Индивидуальные</i>	Субъективный “Я” Субъективное осознание КЛ, символика, повседневность, экзистенциальный КЛ, эстетика, красота, чувства, намерения, идеалы, личные желания, связанные с КЛ	Объективный “ОНО” КЛ как материальный объект, его «поведение» (морфология, динамика). Цели, средства, стратегии поведения акторов, юзеров, дизайнеров, их видимые следы в КЛ
<i>Коллективные</i>	Интерсубъективный “МЫ” Феноменология и герменевтика КЛ, общие ценностные установки, правила, культурно принятые фильтры восприятия КЛ. Коллективные мировоззрения, ценности, убеждения относительно КЛ, традиции и мифы о КЛ	Интеробъективный “ОНИ” КЛ – система, взаимодействующая с сетью социоэкономических, экологических и политических систем. Экономические и социальные отношения как функция КЛ. Социальная роль и работа КЛ. Структурные, системные процессы, их взаимодействие

стадиальном и концептуальном контексте создает палитру “частичных истин”, которые складываются в органичную интегральную ткань исследований КЛ.

Рассмотрим вкратце содержание квадрантов КЛ.

Субъективный верхний левый (ВЛ) квадрант “Я” актуализирует опыт личности в КЛ. Предметная, социальная, культурная, этническая и иные грани КЛ, как среды жизни, переживаются изнутри, они эмоционально окрашены. Внимание уделяется индивидуальным ценностям и геосимволам, которые человек воплощает в КЛ. Здесь локализована субъективность, которая, согласно Д. Косгроу [14], определяет целостность воспринимаемого ландшафта. Среда индивидуума – продолжение личности, человек не рефлектирует свое окружение, а принимает его, как данность. КЛ отражает мысли, чувства, надежды личности.

Направления, соответствующие ВЛ квадранту – экзистенциальный подход, география жизненного мира, глубинная экология, индивидуация и архетипические исследования, гуманитарно-географические подходы, сочетание самости и ландшафта с телесностью. Здесь представлены психология восприятия ландшафта, его эстети-

ка и феноменология, экзистенциальный смысл. В данном квадранте сочетаются психологические, экзистенциальные и эстетические грани ландшафта.

Интерсубъективный нижний левый (НЛ) квадрант “Мы” концентрирует культурные значения, стереотипы, смыслы и информационные фильтры, порождающие модели мира, способы групповой идентификации и символизации культурного ландшафта. Феномены воспринимаются с позиции “Мы”, основанной на понимании партнеров по коммуникации. В центре внимания – ценности, “стандарты” восприятия КЛ, закрепленные в культурных традициях, и сам спектр этих традиций, сфера морали, мотивации – то, что побуждает сообщество осознать свою идентичность и запечатлеть ее в осязаемых чертах ландшафтного окружения. Культурная сфера (НЛ) направляет и легитимизирует опыт личности (ВЛ), подталкивая человека к тому, что он “должен” увидеть и пережить в ландшафте. В свою очередь, “поглощая” выходящий за усредненные рамки нестандартный индивидуальный опыт, она развивается, наполняясь разнообразием и увеличивая спектр возможных культурных выборов. КЛ здесь – не просто “след” культуры, а партнер по коммуникации.

В НЛ квадранте представлены основные конструктивистские, гуманистические и большинство подходов новой культурной географии, а также направления исследований ценностей в ландшафте. Это область применения постмодернистских и постструктуралистских методов.

Объективный верхний правый (ВП) квадрант “Оно” представляет КЛ как материальный объект (сумму объектов). Это предметная реальность КЛ, его динамика, пространственные связи и отношения. Внешние, объективно фиксируемые проявления КЛ коррелируют с поведенческими, физико-антропологическими чертами индивида. Сюда входят процессы и объекты, которые можно объективно фиксировать и измерять. Это показатели удовлетворения жизнеобеспечивающих потребностей, адаптивный потенциал, индивидуальная деятельность по изменению ландшафта, артефакты, компоненты природного ландшафта и объекты рукотворной среды.

ВП квадранту соответствуют методы поведенческой географии и социологии, физической и социальной географии, этнографии и антропологии, которые изучают объективные пространственные поведенческие модели среды и индивида, анализ объективной составляющей идентичности – расы, пола, возраста, членства в сообществах, визуальной и документальной характеристик КЛ.

Интеробъективный нижний правый (НП) квадрант “Они” исследует КЛ как системную целостность. В этом случае системы материальных объектов выражают политические, экономические, социальные, экологические аспекты жизни в КЛ и способствуют его воспроизводству. Природно-географическая основа, ресурсы, экономические формации и процессы, социальные отношения вносят вклад в создание КЛ. В НП квадранте системные грани КЛ рассматриваются с учетом “сетевых”, межобъектных взаимосвязей. В центре внимания – объективные проявления человеческой деятельности, через которые высвечиваются “работа” ландшафта, связи между социумами и территорией. КЛ исследуется с помощью информационной теории, структуралистских подходов, социальных ролей, системного анализа. В этом секторе приоритетными являются функциональные, социальные, политические, экономические грани КЛ.

В итоге, все четыре квадранта служат причиной и следствием друг друга, “тетразволюционируют” в терминах К. Уилбера. Правые секторы воплощают субъективный опыт, материализуют культурные стандарты и ценности, левые служат “питательной средой” формирования материальной среды. Система КЛ (НП), включающая подсистемы власти, производства, социальной стратификации и репертуара социальных ролей, влияет на ценностную сферу, вносит вклад в строительство модели культурной идентичности группы, ландшафтного дискурса и “текста” (НЛ). Культурная идентичность и “текст” КЛ служит источником формирования территориального самосознания личности, ее жизненного мира, “географической самости”, что проявляется в ВЛ квадранте. В свою очередь, соматический, физиологический статус и поведение (ВП) отражают, и до определенной степени влияют на социальные и культурные характеристики. Эти отношения взаимозависимости проявляются в том, что каждое культурное событие имеет свой социальный коррелят [27].

Следующим шагом, детализирующим интегральную исследовательскую модель, становится включение в нее двух позиций исследователя: “изнутри” и “извне”. В терминах Д. Косгроу [14], это взгляд “посвященного”, преобладающий в гуманитарно-географических работах, и традиционная для сциентистской географии позиция “наблюдателя”. В отечественной традиции исследования культурного ландшафта значительное время “объективность” была синонимом значимости и ценности результатов, а мировоззрения, культурные традиции и мораль, побуждающие человека и группу к изменению ландшафта, оста-

вались за пределами интересов. Взаимная дополненность четырех квадрантов компенсирует названный дефицит. Введение двух позиций исследования способствует дальнейшему восстановлению баланса между гуманитарной и сциентистской ветвями ландшафтоведения (табл. 3).

Таким образом, КЛ, распределенный между четырьмя квадрантами, делится на внешний и внутренний в пределах каждого из них, образуя восемь видов процессов и феноменов, соответствующих восьми методологическим зонам. Схема может служить основой разработки прикладных методик исследования КЛ, выяснения соотношений и приоритетов изучающих его направлений.

Заключение. Интегральная модель синтеза позволяет представить КЛ как морфологически закономерное воплощение индивидуальных и групповых мировоззрений, культурных ценностей, социальных, политических систем, состояний общества, культуры и природы. В такой трактовке КЛ – живая, развивающаяся среда, “зеркало” и партнер общества. Интегральный подход раскрывает ландшафт не как хаотическую мозаику или палимпсест, а как сочетание предсказуемости и случайностей в эволюции и конкуренции пространственных форм. Интегральный подход призван не подменить собой, а дополнить и скоординировать существующие теории, он ориентирован на “сканирование” рабочей методологии, чтобы выяснить, все ли квадранты, важнейшие уровни, линии, состояния и типы КЛ в нее вовлечены. В случае исключения или абсолютизации какого-либо сектора КЛ модель побуждает дополнить исследовательский инструментарий недостающими звеньями, “диагностированными” с помощью предложенного подхода. Привести исследовательскую модель в интегральное равновесие можно с помощью практик сектора, где найдено упущение. Сдвиг в отношении самоорганизации исследования и большей осознанности исследователя происходит при практическом использовании перспектив четырех квадрантов.

Интегральный подход плодотворен при решении отраслевых, задач: изучая какой-либо аспект КЛ, специалист не теряет из виду общую панораму и квадрантную локализацию своих исследовательских интересов. Применительно к тематике КЛ и территориальной идентичности этот подход реализуется в двух направлениях:

– “нахождении коррелятов” коллективного и индивидуального, субъектного и объектного, внутреннего и внешнего, изучении “тетразволюционирующих” граней в единстве целостного КЛ;

Таблица 3. Восемь “зон” исследования ландшафта

КВАД-РАНТ	Позиция исследователя	
	ИЗНУТРИ – “Посвященный” (участвующее исследование)	СНАРУЖИ – “Наблюдатель” (Дистанцированное исследование)
ВЛ	Вопросы Как “я” переживаю ландшафт? (личный опыт, ценности). Какие надежды “я” связываю с КЛ? Исследовательские направления <i>Феноменология</i> <i>Эмпатия</i>	Вопросы Какая идея присутствует в КЛ? (Принципы, заложенные инвестором, жителем, дизайнером). Исследовательские направления <i>Структурализм</i> <i>Ситуационизм (Situ-ated knowledge)</i>
ВП	Вопросы КЛ как практическое воплощение ценностей (мера “моей” деятельности, поведения в КЛ) Исследовательские направления <i>География жизненного мира, перцепционные географические подходы</i>	Вопросы Объекты, компоненты и акторы КЛ, их поведение и морфология локусов. Исследовательские направления <i>Эмпирицизм, про-странственный анализ, морфологический подход</i>
НЛ	Вопросы Соответствие КЛ потребностям группы. Как учет мировоззрения, ценностей, традиций группы влияет на “мое” отношение к КЛ? Исследовательские направления <i>Герменевтика ландшафта, пост-структуралистская география, конструктивизм</i>	Вопросы Культура и КЛ. Культура обращения с ландшафтом, коллективные установки по отношению к КЛ. Исследовательские направления <i>Этнометодология, ландшафтная традиция в культурной географии, культурная антропология</i>
НП	Вопросы Функциональная роль КЛ – сети систем в жизни людей и природы. Исследовательские направления <i>Социальный аутопортрет, гуманитарная география, неомарксистская география</i>	Вопросы Как системы “работают” в КЛ, как функционируют их механизмы? Исследовательские направления <i>Теория систем. КЛ как социогеоэкологическая, социально-культурные системы</i>

– объединении контрастирующих подходов в исследовательский интерфейс.

В этом случае основные грани исследования будут приняты во внимание. Дальнейшая разработка интегрального изучения КЛ видится в качестве перспективного стимула теоретического синтеза в культурной географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 5. С. 5–17.
2. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7–14.
3. Гладкий И.Ю. Этническая экология как отрасль научного знания // Изв. РГО. 2003. Т. 135. Вып. 5. С. 30–40.
4. Исаченко А.Г. О двух трактовках понятия “культурный ландшафт” // Изв. РГО. 2003. Т. 135. Вып. 1. С. 5–16.
5. Каганский В.Л. Ландшафт как земное тело человека и его герменевтирование // Логос живого и герменевтика телесности. Постигание культуры: Ежегодник. Вып. 13–14. М.: Акад. проект; РИК. 2005. С. 575–579.
6. Каганский В.Л. Национальная модель культурного ландшафта // Гуманитарная география. Вып. 6. М.: Ин-т Наследия, 2010. С. 293–296.
7. Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Междунар. журн. исслед. культуры. 2011. № 4 (5). С. 26–40.
8. Калущков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования / Семинар “Культурный ландшафт”: 2-й тем. вып. докл. М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 6–13.
9. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
10. Рагулина М.В. Интегральная парадигма в этноэкологических исследованиях // Вопр. совр. науки и практики. Ун-т им. В.Н. Вернадского. 2011. № 7–9 (30) С. 14–25.
11. Antrop M. From holistic landscape synthesis to transdisciplinary landscape management // From landscape research to landscape planning: aspects of integration, education and application. N.Y.: Springer. 2005. P. 27–50.
12. Barnes T.J. Retheorising economic geography: from the Quantitative revolution to the “Cultural turn” // Ann. Assoc. Amer. Geograph. 2000. V. 91. № 3. P. 546–565.

13. *Brown B.* Theory and Practice of Integral Sustainable Development – An Overview, Part 2: Values, Developmental Levels and Natural Desig // AQAL J. 2005. V. 1. № 1, 2.
14. *Cosgrove D.* Social formation and Symbolic Landscape (2nd edition). Madison: Wisconsin Univ. Press, 1998.
15. *Eddy B.G.* Integral Geography: Space, Place, and Perspective // World Futures. 2005. V. 61. № 1–2. P. 151–163.
16. *Esbjörn-Hargens S., Zimmerman M.* Integral Ecology: Uniting Multiple Perspectives on the Natural World. – New York: Random House / Integral Books, 2009.
17. *Hamilton M.* Integral City: Evolutionary Intelligences for the Human Hive. BC: New Soc. Publishers, 2008. 352 p.
18. *Hamnett C.* Contemporary human geography: fiddling while Rome burns? // Geoforum. 2003. № 34. P. 1–3.
19. *Handley M., John K.* Wright and Human Nature in Geography // Geograph. Rev. 1993. V. 83. № 2. P. 183–193.
20. *McGowin D.* Cultural Landscape / Encyclopedia of Geography. London: Sage Publications, 2010. 15 Apr. 2011. <http://www.sage-ereference.com/geography/Article_n243.html>.
21. *Meining D.W.* (Ed.). The Interpretation of Ordinary Landscapes / Geographical Essays. N.Y.: Oxford University Press, 1979. 279 p.
22. *Mitchell D.* New Axioms for Reading the Landscape // Polit. Econom. Landscape Change. N.Y.: Springer Publishing, 2008. P. 29–50.
23. *Ragulina M.V.* Integral Study of Ethnic Identity in Baikalian Siberia and the Role of Russian Colonization in its Shaping // Social Identity: Series: Social Issues, Justice and Status. N.Y.: Nova Science Pub. 2011. P. 58–76.
24. *Schein R.H.* The Place of Landscape: A Conceptual Framework for Interpreting an American Scene // Ann. Associat. Amer. Geograph. 1997. V. 87. № 4. P. 660–680.
25. *Tress B., Tress G., Fry G.* Defining concepts and the process of knowledge production in integrative research // From landscape research to landscape planning: aspects of integration, education and application. N. Y.: Springer, 2005. P. 13–26.
26. *Turner B.L.* Specialist-synthesys approach to the revival of geography: the case of cultural ecology // Ann. Associat. Amer. Geograph. 1997. V. 79. № 1. P. 88–100.
27. *Wilber K.* A Brief History of Everything. Boston and London: Shambhala, 1996.
28. *Wilber K.* An integral theory of consciousness // J. Consciousness Studies. 1997. V. 4. № 1. P. 71–92.
29. *Wilber K.* Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL // AQAL J. 2006. V. 1. № 1.

Synthesis of Humanitarian and Natural – Scientific in Research of Cultural Landscape

M.V. Ragulina

Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

The basic issues of research of cultural landscape as well as its methodological contradictions are described. Proposed integrated approach for synthesis allows us to build bridges of interdisciplinary communication, combine subjective and objective faces of the cultural landscape, to reach a deeper level of interpretation and scientific analysis.